

УДК 8

Лингвокультурный аспект сопоставления семантики лексемы «der Knochen/кость» в немецком и русском языках

Виниченко Людмила Георгиевна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры немецкой филологии,
Южный федеральный университет,
344006, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 33;
e-mail: lvin@sfnu.ru

Аннотация

Статья посвящена сопоставительному лингвокультурному анализу семантики лексемы Knochen/кость в немецком и русском языках. Исследование различных языков через сопоставление позволяет выявить особенности каждого языка, в том числе семантическую асимметричность их языковых знаков. Цель работы – исследование взаимовлияния на уровне языка и культуры в формировании национального своеобразия семантики лексической единицы Knochen/кость в немецком и русском языках сквозь призму лингвокультурологии, то есть диады «язык-культура». Обращение к фактам культуры признается необходимым условием раскрытия внутренней формы как мотивационной основы в формировании вторичных значений объектов сопоставления. В работе исследуется так называемое «обычное» слово – лексема без выраженных признаков национально-культурной принадлежности. Интерес лингвокультурологов к данной группе слов связан с определенной трудностью в изучении их культурной семантики, которая в большей степени «закрыта» и не всегда фиксируется словарями. Результаты сопоставления единицы Knochen/кость на уровне этимологии, лексических и вторичных значений однозначно указывают на имеющиеся семантические расхождения в немецком и русском языках. Причиной семантической асимметрии исследуемой лексемы признаются особенности сложившейся национальной культуры, в частности определенные традиции и ритуалы, свойственные этим народам. Исследования на уровне глубоких пластов смыслов и знаний, заложенных в слове, раскрывают детали языковой картины мира, и, вместе с тем, особенности менталитета народа-носителя сопоставляемых языков.

Для цитирования в научных исследованиях

Виниченко Л.Г. Лингвокультурный аспект сопоставления семантики лексемы «der Knochen/кость» в немецком и русском языках // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 6А. С. 16-24.

Ключевые слова

Лексическая семантика, сопоставление языков, лингвокультурный анализ, «простое» слово, взаимовлияние «язык-культура», внутренняя форма.

Введение

Стремление к исследованию языковых явлений сквозь призму соотношения «язык – культура» обусловлено самой природой языка. Согласно В. фон Гумбольдту, язык служит хранилищем духа народа, его культуры, в нем концентрируется и хранится «объединенная духовная энергия народа, чудесным образом запечатленная в определенных звуках» [Гумбольдт, 1956, 349]. Вместе с тем язык является национально-маркированной формой выражения и воплощения культуры народа, поскольку именно посредством языка происходит национально обусловленное разделение действительности на отдельные сегменты. Именно из этого «узора» языковых сегментов «сплетается» национальная языковая картина мира, включающая в себя картину культурологическую.

Исследование различных языков через сопоставление позволяет выявить особенности отдельных языков, в том числе семантическую асимметричность их языковых знаков. Эффективным инструментом в этом случае является обращение к фактам взаимодействия языка и культуры, то есть лингвокультурологический подход, методологической основой которого является «семиотическая презентация данных этого взаимодействия, рассматриваемого с учетом когнитивного содержания ментальных процедур, результатом которых и являются культурно оязыковленные ментальные структуры» [Телия, 1996, 17].

Цель и методы лингвокультурного сопоставления

В рамках лингвокультурологии используется комплекс познавательных методов, сконцентрированных вокруг смыслового центра «язык-культура». В процессе анализа методы культурологи и лингвистики используются выборочно, вступают в отношения взаимодополнительности, учитывая специфику и сложность объекта исследования – взаимодействия языка и культуры.

В данной работе наряду с методом компонентного анализа (М.Д. Степанова) и методом исторической реконструкции культуры (школа Н.И. Толстого), активно используется контрастивный метод.

Сопоставление различных языков ставит своей целью «системно и объективно исследовать глубинные смыслы и знания, которые стоят «за языком» и помогают понять «национальное звучание» слов, выражений, целых понятий, которые иначе остаются «скрытыми» для иностранцев, изучающих язык, культуру и цивилизацию другого народа» [Воробьев, 2008, 7]. В этом смысле результаты контрастивного анализа лингвокультурологических сфер сопоставляемых языков эксплицируют особенности национальной «картины мира», которые, согласно гипотезе Э. Сепира-Б. Уорфа, «коррелируют со структурой мышления и способом познания внешнего мира у того или иного народа» [Воробьев, 2008, 4] и, тем самым, способствуют развитию лингвокультурной компетенции не только в области другого языка и другой культуры, но и родного языка и культуры.

Формирование лингвокультурной компетентности – это процесс, продолженный во времени. В рамках родного языка он начинается с постижения окружающего мира и создания первичной языковой картины мира, на уровне иностранного – со знакомством и изучением иной, параллельной реальности, где другой язык отражает иную языковую картину мира и иную культуру.

Сама возможность существования иной языковой картины мира заключается в особенности значения слова, на которое указывал А.А. Потебня, имея в виду тот факт, что слово существует

в двух измерениях: ближайшем и дальнем. Ближайшее – включает в себя значение слова, достигающее только до известного предела, дальнее же – понятийно-предметное – отражает значения более глубокие, иногда настолько глубокие, что они уже не улавливаются нашим сознанием. Поэтому актуальное лексическое значение – лишь намек на длинную историю слова, хранящуюся в нем. В этой истории, или внутренней форме отражается не только «образ образа», но и национальная специфика реалии, отражаемой словом.

Вполне понятно, что исследования в области взаимодействия языка и культуры как собственно объекта лингвокультурологии проводятся в первую очередь на материале культурных реалий – единиц языка, которые приобрели символическое, эталонное, образно-метафорическое значение – мифов, ритуалов, фразеологизмов, паремий и т.д. Однако многие ученые разделяют мнение В.А. Масловой о том, что «Кроме языковых единиц, в которых сама реальность национальна, и поэтому слово, ее называющее, содержит национально-культурный компонент, мы относим к предмету лингвокультурологии максимально широкий круг языковых явлений» [Маслова, 2007, 37]. Н.В. Телия признает, что пока не существует моделей, отражающих современный менталитет той или иной лингвокультурной общности, единственным стабильным источником для таких моделей служит общенародный обиходный язык, являющийся хранилищем, транслятором и знаковым воплощением культуры [Телия, 1996, 235].

О целесообразности смещения интереса лингвокультурологов в сторону так называемых «обычных» слов говорит С.М. Толстая: «Понятно внимание к специальной обрядовой терминологии, например, свадебной, погребальной, календарной. Другое и гораздо более трудное дело – изучение культурной семантики и функций «обычных» слов, слов общеупотребительных. Их труднее вскрыть, и они далеко не всегда фиксируются словарями» [Толстая, 9].

Сопоставление «обычных» слов различных языков может дать довольно интересные результаты объективации когнитивно-семантических «траекторий», обеспечивающих национально-специфическое, т.е. культурно-обусловленное расширение семантического объема сопоставляемых единиц языка, вскрывая ментальные структуры, положенные в основу семантических приращений вторичных значений сопоставляемых слов.

Лингвокультурная специфика семантики лексемы Knochen/кость в немецком и русском языках

В свете вышесказанного цель данной работы – выявить особенности культурно-обусловленного расширения семантики лексемы Knochen в немецком языке в сопоставлении с семантикой его переводного соответствия кость/кости в русском на материале устойчивых единиц – носителей элементов национальной ментальности языка.

На первый взгляд сопоставляемые единицы являются семантически эквивалентными, соотносятся с одним и тем же денотатом, следовательно, конгруэнтны в представлении носителей и русского и немецкого языка, о чем можно судить по их современным лексикографическим толкованиям: в русском языке – *твердое образование в теле человека и животного, составная часть скелета* [Ожегов, Шведова, 1995, 294]; в немецком языке – *einzelner, harter, hauptsächlich aus Kalk bestehender Teil des Skeletts – отдельная твердая, состоящая преимущественно из кальция часть скелета* [Duden, 1989, 853] (здесь и далее перевод наш).

Однако на более глубоком, этимологическом уровне явно прослеживаются определенные «разночтения» во внутренних формах или так называемых «первообразах» этих лексем в каждом языке. Согласно этимологии лексема «кость» в русском языке, как и в других славянских языках, производна от латинского „*costa*, Plural *costae*” что значит не просто «кость», а кость-ребро [www.vasmer.]. Так, в сербохорватском «кбст» — это именно ребро [там же]. На заостренную форму кости в славянском понимании, а именно в чешском языке, указывается в этимологическом словаре А. Преображенского «ч. *kost*; *колючка*, *шип*», здесь же приводится переносное значение лексем «кость», «костилка» в болгарском языке со значением «злюка» [Преображенский, 1910-1914, 368], иначе говоря, та же *колючка*. Таким образом, ряд этимонов славянских языков, включая русский, указывают, что на уровне этимологии кость в русском языке имеет острый или заостренный конец, именно так выглядит одиннадцатое и двенадцатое ребро скелета человека. Вероятно, отсюда синонимичность русских устойчивых единиц «*кость в горле*» [Федоров, 1991, 258] и «*кол (колом) в горле*» [Ожегов, Шведова, 1995, 276] в значении *кто-либо или что-либо мешает, досаждаст в чем-либо* [Федоров, 1991, 258].

В немецком языке складывается иная картина. Согласно немецким этимологическим словарям *knoke* в диалектах средневерхненемецкого и средненижненемецкого периода означает «*Hirnschalle - череп*» [DWDS, www], в нидерландском диалекте *knook* — это головка кости, которой она входит в сустав. В шведском и норвежском языке *knoke* означает руку (лапу), сжатую в кулак, горсть [Pfeifer, Braun, Ginschel, 1997, 681]. Нетрудно заметить, что этимоны немецкого и родственных ему языков имплицитно содержат компонент внеязыкового содержания, указывающего на некую «округлость». Отсюда вывод: в сознании говорящего на немецком языке кость — это та часть скелета, которая заканчивается головкой, или закруглениями с двух концов. И эта кость — не ребро.

Заметим, что именно экстралингвистический, ментальный компонент, а конкретно внешнее сходство образа, лежит в основе семантического переноса в формировании таких вторичных значений лексемы „Knochen“ как „*Schlüssel*“ — *ключ* (начало XIX в.). Например, *Zehnlöcherschlüssel für das Fahrrad - ключ с десятью ячейками для велосипеда* (1930), или *Fernsprechhörer - телефонная трубка* (1950). Ссылку на мотив семантического переноса по внешнему сходству находим в словаре разговорного немецкого языка Г. Кюппера (H. Küpper), где толкования этих единиц сопровождаются пояснением „wegen einer gewissen Formähnlichkeit“ — *из-за определенного сходства по форме* и „Er ist knochenähnlich geformt“ — *по форме напоминает кость* [Küpper 1987, 435].

Следует отметить, что в русском языке имеет место обратный переход: сходство по именованию «ключ - кость» закрепилось в лексеме «ключица», где «опорными точками» для номинации послужило скорее не внешнее сходство — эта кость имеет два волнообразных изгиба, но сходство функциональное — при поднятии руки кость поворачивается. Возникает предположение, что именно «разночтения» в глубинном видении первообраза лишают русский язык оснований для семантического переноса «кость-ключ» в русском языке.

Можно сделать вывод о том, что в немецкой языковой картине мира слово Knochen представляется как крупная, способная выдержать большую нагрузку кость. К такому выводу подводят семантические доли (М.Д. Степанова), которые выводятся из лексикографических толкований [Küpper, 1987, 235-236] следующих немецких устойчивых единиц:

“*harter Knochen*” (*крепкая кость*) — *schwierige Sache* — *сложное дело*;

“*das geht auf die Knochen*” (*оно (дело) доходит до костей*) — *das ist eine sehr anstrengende aufreibende Tätigkeit* — *очень напряженная, изнурительная деятельность*;

“nichts in den Knochen haben” (*не иметь ничего в костях*) – *kraftlos sein* – *быть без сил*;
 “holer Knochen” (*пустая кость*) – *energieloser Mensch* – *вялый, лишенный энергии человек*.

Другое предметно-понятийное соотнесение первообраза кости с округлым концом – «головкой» просматривается в немецком языке в устойчивых словосочетаниях, интегрирующих обобщенное понятие «человек». Согласно словарю Г. Кюппера (H.Küpper) одним из вторичных значений лексемы Knochen в начале XIX века было “*Mensch (halbgemütliche Schelte). Eigentlich der starkknochige, auch der plumpe Mensch*” [Küpper, 1987, 435] – «Человек (легкое, снисходительное ругательство) – по сути ширококостный или же неуклюжий человек). Следует упомянуть, что к середине XIX века эта лексема утратила отрицательную коннотацию и трансформировалась в нейтральную форму обращения.

Анализ значений лексемы Knochen в том же словаре (H.Küpper) на материале ряда немецких устойчивых словосочетаний с общим понятием «человек» представляет собой довольно широкий спектр оценочной характеристики человека, а именно:

- положительная: *abgebrühter Knochen* – (дословно – *кость, которую обдали кипятком*) – *Mensch, der mit allem menschlichen vertraut ist und sich nicht übertölpeln läßt* – образно: *человек, прошедший огонь и воду, стреляный воробей, тот, кто не даст себя одурачить*; *Fideler Knochen* (*беззаботная кость*) – *lustiger Mensch* – *веселый человек*; *Flotter Knochen* (*бойкая кость*) – *frischer, lebenslustiger Mensch* – *бодрый, жизнерадостный человек*; *Zäher Knochen* (*жесткая кость*) – *behaarlicher, widerstandsfähiger Mann* – *упрямый, способный оказать сопротивление человек*;

- отрицательная – *dämlicher Knochen* (*глупая кость*) – *dummer, ungeschickter Mann* – *глупый, неуклюжий человек*; *Fauler Knochen* (*ленивая кость*) – *Arbeitsscheuer* – *лентяй*; *Fieser Knochen* (*отвратительная кость*) – *unsympathischer Mann* – *неприятный человек*; *Miser Knochen* (*плохая кость*) – *unsympetischer Erwachsener* (1960 jug.) – *неприятный взрослый человек* (молод. жарг.), *Müder Knochen* (*усталая кость*) – *müder Mann, erschöpfter Soldat* – *усталый человек, обессиленный солдат*.

В русском языке лексема «кость» так же входит в состав устойчивых словосочетаний с общим значением «человек». Однако, как указывает В. В. Виноградов, в русском народном и литературном языке «кость» в собирательном смысле используется значительно уже и указывает исключительно на:

- телосложение человека: «*костью складен и лицом хорош*», «*Марья костью широка, высока, статна, бела*»,

- социальную либо профессиональную принадлежность: «*белая кость*», «*военная кость*», «*благородная, высокая, знатная, княжеская кость*», «*господская, солдатская, русская кость*» [Виноградов, www]. Особенностью русского языка в этом значении является вариант с уменьшительно-ласкательной формой «*косточка*» – «*военная косточка*», «*мастеровая косточка*». Отсутствие диминутива в немецком языке связано, на наш взгляд, с влиянием отмеченного нами выше этимологического «первообраза» лексемы Knochen, представляющего кость в немецкой языковой картине мира крупной и прочной.

Совершенно другое значение в русском языке лексема «кость» получает в устойчивой единице «перемывать косточки» – *сплетничать, судачить, злословить*. В трудах многих лингвистов (В.В. Виноградов, В. Кипарский, А. Штейнгольд, М. Руссо) появление фразеологизма связывается с существовавшим у славян обрядом «вторичного (второго) захоронения» (двоструко сохраняиванье, друго сохраняиванье), известного с XI века в Греции, а также у народов, живших на Балканах [Штейнгольд, 2001, 142].

Практическую связь обряда вторичного погребения с такими действиями как *мыть*, *перемывать*, *перетирать*, *перебирать* и т.д. описывает в своей работе «История слов» В.В. Виноградов. Речь идет о реально существовавших обрядах и обычаях, в частности у южных славян, согласно которым спустя несколько лет после похорон сохранившиеся кости умершего доставались для очищения его от грехов и снятия с него заклятия. Перед вторичным захоронением выкопанные останки, то есть кости, перемывались, что, естественно, сопровождалось воспоминаниями о покойнике, оценкой его характера, поступков и др.

О погребальной практике типа «мытья костей» указывается так же в исследованиях по славянской филологии профессора В. Кипарского, где отмечается, что наряду с жителями Тайваня и некоторых народностей Китая, погребальная практика типа «мытья костей» была известна в Европе и, в том числе, славянам [Кипарский, 1974, 30]. Свидетельством тому, как указывает А. Штейнгольд, является существование в русском языке целого ряда единиц с компонентом «кости»: *перемывать косточки*, *мыть кости*, *перетирать косточки*, *промывать косточки*, *обмыть (все) кости*, *перебирать/перебрать косточки*, *разбирать/разобрать по косточкам*, *трясти кости* [Штейнгольд, 2001, 146]. Факт существования структурного варьирования наряду с активным использованием в прошлом в составе идиом глаголов с прямым лексическим значением *мытья* (мыть, вытирать, обмывать), *разъятия на части* (перетирать, разбирать) является, по мнению автора, подтверждением существования древнего культурного феномена, актуальность которого в прошлом не подлежит сомнению. Этим фактом является погребальная обрядность. В то же время сами по себе действия, выраженные глаголами *мыть/перемывать*, не создают в русском языке образа, соотносящегося со значением *сплетничать*, *судачить*. Следовательно, отправной точкой для «расшифровки» стрележневого образа рассматриваемых устойчивых единиц является семантический анализ компонента *кости* (*косточки*). Исследования древнерусского и современного диалектного материала дают основание автору утверждать, что «одним из архаичных значений этого слова является «мертвое тело, покойник, останки» [Штейнгольд, 2001, 146]. Лексема «кости» является здесь синекдохой по отношению к скелету человека. Ее принадлежность к семантическому полю «смерть» подтверждается погребальным присловьем: «*Упокой, Господи, душеньку, прими, земля, косточки*» [Даль, 1995, 177]; а также паремиями «ни костей, ни вестей» – *ни мертвого, ни живого*; «кто благоденствует, у того борода белеет, кто злодействует, у того кости белеют» – *кто честен, живет до старости, а кто злодействует, тот лежит непогребенным* [Штейнгольд, 2001, 147].

Аналогичная традиция вторичного захоронения имела место и в Европе на территории современной Германии, Австрии, Швейцарии. Она, безусловно, является культурным фоном внутренней формы лексического сращения *Knochenarbeit*. Дословно непереводимое на русский язык сочетание слов «кости» + «работа» трактуется «*eine besonders schwere oder komplexe Tätigkeit und hat etymologisch seinen Ursprung in der Arbeit in Beinhäusern*» [Wikipedia.www] – *особенно трудная и сложная работа и этимологически связана с работой в ossуариях*. Как видно, внутренняя форма слова апеллирует к ментальной памяти народа о кропотливом процессе очищения костей для вторичного захоронения как эталону тяжелой, изнурительной и неприятной работы.

Через ту же традицию вторичного захоронения на фоне взаимовлияния «язык-культура» раскрывается внутренняя форма типичной только для немецкого языка лексемы *knochentrocken* (*сухая как кость*) в значении «очень сухой» [Küpper, 1987, 437]. Кость в ментальном представлении немцев очень сухая, поскольку в Европе кости умерших вплоть до XII века

высушивались и хранились долгое время в катакомбах или оссуариях (Kapelle). В то же время факты русского языка указывают на свойственную славянам традицию кремации. Так А. Штейнгольд рассматривает внутреннюю форму слова «костер» в его прямой или косвенной связи со словом «кость» в значении «мертвец, останки» [Штейнгольд, 2001, 154]. После кремации кости провеивались, очищались от золы, промывались и предавались земле [Штейнгольд, 2006, 131]. Отсюда устойчивое сочетание в русском языке *«трясти/перетряхивать косточки»*.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что одна и та же традиция вторичного захоронения воплотилась в сопоставляемых языках различным образом. В русском она предстает как описание процесса – *„мыть, перетирать, перебирать“* с последующим семантическим переходом в *„злословить, судачить“*, в то время как в немецком акцент ставится на характер, качество и трудоемкость работы.

Заключение

Проведенный выше анализ семантики вторичных значений лексемы Knochen/кость в русском и немецком языках убедительно демонстрирует ее национально-культурную специфику. Причиной семантической асимметрии следует, безусловно, признать особенности культурного бытия – традиций, ритуалов и верований каждого народа – носителя языка.

Библиография

1. Алимжанова Г.М. Сопоставительная лингвокультурология: Взаимодействие языка, культуры и человека. Алматы, 2010. 300 с.
2. Виноградов В.В. История слов. Перемывать косточки. URL: <http://wordhist.narod.ru/peremivat.html>
3. Воробьев В.В. Лингвокультурология. М.: РУДН, 2008. 336 с.
4. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // Звегонцев В.А. Хрестоматия по истории языкознания XIX-XX веков. М., 1956. 457 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: ТЕРРА, 1995. 780 с.
6. Кипарский В. Еще раз о выражении перемывать косточки. Исследование по славянской филологии // Сборник, посвященный памяти В.В. Виноградова. М., 1974. С. 29-32.
7. Лотман Ю.М. Культура и информация // Семиосфера. СПб., 2001. 704 с.
8. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2007. 208 с.
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1995. 928 с.
10. Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. Том первый А-О. Москва, 1910-1914. URL: <http://etymolog.ruslang.ru/doc/preobrazhenskijA-O.pdf>
11. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. С. 288.
12. Толстая С.М. Этнолингвистика: современное состояние и перспективы. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/Tolstaja.html>
13. Федоров А.И. (ред.) Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII-XX в. Новосибирск: Наука, 1991. Т. 1: А-Н. 340 с.
14. Штейнгольд А. Что значит выражение перемывать косточки // Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 2001. 198 с.
15. Штейнгольд А. Отражение славянских верований в русском лексиконе: дис. ... докт. философии по русскому языку. Тарту, 2006. 197 с.
16. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache DWDS.
17. Duden „Etymologie“: Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache. 2., völlig neu bearb. u. erw/ Aufl./von Günther Drosdowski. Mannheim; Wien; Zürich: Dudenverl., (Der Duden; Bd. 7) 1989. 845 p.
18. Duden „Deutsches Universalwörterbuch“. Günter Drosdowski. Mannheim; Wien; Zürich: Dudenverl., 1989. 1816 p.

-
19. Küpper H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Stuttgart, 1987. 959 p.
20. Pfeifer W., W. Braun, G. Ginschel u.a. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. Zentralinstitut für Sprachwissenschaft. Akademie Verlag, München/Berlin, 1997. 1634 p.

The linguistic and cultural aspect of comparing the semantics of the lexeme "der Knochen/kost" in German and Russian

Lyudmila G. Vinichenko

PhD in Philology,
Associate Professor at the Department of German philology,
Southern Federal University,
344006, 33 Bol'shaya Sadovaya st., Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: lvin@sfedu.ru

Abstract

The article is devoted to comparative linguocultural analysis of the semantics of the Knochen lexeme/bone (kost') in German and Russian. The study of different languages through matching makes it possible to reveal the characteristics of each language, including the semantic asymmetry of their linguistic signs. The aim of the work is to investigate the interaction at the level of language and culture in the formation of the national identity of the semantics of the lexical unit Knochen/bone in German and Russian languages through the prism of linguoculturology, that is, the language-culture dyad. Appeal to the facts of culture is recognized as a necessary condition for the disclosure of the internal form as a motivational basis in the formation of secondary meanings of objects of comparison. The paper studies so-called "ordinary" word, a lexeme without pronounced signs of national-cultural affiliation. The interest of linguoculturologists in this group of words is related to a certain difficulty in the study of their cultural semantics, which is more "closed" and not always fixed by dictionaries. The results of the Knochen/bone unit comparison at the level of etymology, lexical and secondary values unambiguously indicate the available semantic differences in German and Russian. The cause of the semantic asymmetry of the studied lexeme is recognized features of the existing national culture, in particular certain traditions and rituals peculiar to these peoples. Studies at the level of deep layers of meanings and knowledge embedded in the word reveal the details of the language picture of the world.

For citation

Vinichenko L.G. (2017) Lingvokul'turnyi aspekt sopostavleniya semantiki leksemy "der Knochen/kost" v nemetskom i rusском yazykakh [The linguistic and cultural aspect of comparing the semantics of the lexeme "der Knochen/kost" in German and Russian]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (6A), pp. 16-24.

Keywords

Lexical semantics, comparison of languages, linguocultural analysis, "simple" word, language-culture interaction, internal form.

References

1. Alimzhanova G.M. (2010) *Sopostavitel'naya lingvokul'turologiya: Vzaimodeistvie yazyka, kul'tury i cheloveka* [Comparative linguoculturology: Interaction of language, culture and man]. Almaty.
2. Dal' V.I. (1995) *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorussskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Moscow: TERRA Publ.
3. *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache DWDS*.
4. (1989) *Duden „Etymologie“: Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache. 2., völlig neu bearb. u. erw.* Mannheim; Wien; Zürich: Dudenverl., (Der Duden; Bd. 7).
5. (1989) *Duden „Deutsches Universalwörterbuch“*. Mannheim; Wien; Zürich: Dudenverl.
6. Fedorov A.I. (ed.) (1991) *Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka kontsa XVIII-XX v* [Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language of the End of the 18th and 20th Centuries]. Novosibirsk: Nauka Publ. Vol. 1.
7. Gumbol'dt V. (1956) O razlichii stroeniya chelovecheskikh yazykov i ego vliyanii na dukhovnoe razvitie chelovecheskogo roda [On the difference in the structure of human languages and its influence on the spiritual development of the human race]. In: Zvegontsev V.A. *Khrestomatiya po istorii yazykoznaniiya XIX-XX vekov* [Reader on the history of linguistics XIX-XX centuries]. Moscow.
8. Kiparskii V. (1974) Eshche raz o vyrazhenii peremyvat' kostochki. Issledovanie po slavyanskoi filologii [Once again about the expression of washing away the bones. A study on Slavic philology]. In: *Sbornik, posvyashchennyi pamyati V.V. Vinogradova* [A collection dedicated to the memory of V.V. Vinogradov]. Moscow.
9. Küpper H. (1987) *Wörterbuch der deutschen Umgangssprache*. Stuttgart.
10. Lotman Yu.M. (2001) Kul'tura i informatsiya [Culture and information]. In: *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg.
11. Maslova V.A. (2007) *Lingvokul'turologiya* [Linguistic and cultural studies]. Moscow: Akademiya Publ.
12. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. (1995) *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: AZ Publ.
13. Pfeifer W., W. Braun, G. Ginschel u.a. (1997) *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. Zentralinstitut für Sprachwissenschaft. Akademie Verlag. München/Berlin*.
14. Preobrazhenskii A. (1919-1914) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. Tom pervyi A-O* [Etymological dictionary of the Russian language. Volume One]. Moscow. Available at: <http://etymolog.ruslang.ru/doc/preobrazhenskijA-O.pdf> [Accessed 07/07/2017]
15. Steingold A. (2001) Chto znachit vyrazhenie peremyvat' kostochki [What does the expression "wash away the bones"]. In: *Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii* [Works on Russian and Slavic philology]. Tartu.
16. Steingold A. (2006) *Otrazhenie slavyanskikh verovanii v russkom leksikone. Doct. Dis.* [Reflection of Slavic beliefs in the Russian lexicon. Doct. Dis.]. Tartu.
17. Teliya V.N. (1996) *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow.
18. Tolstaya S.M. *Etnolingvistika: sovremennoe sostoyanie i perspektivy* [Ethnolinguistics: current state and prospects]. Available at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/Tolstaja.html> [Accessed 07/07/2017]
19. Vinogradov V.V. *Istoriya slov. Peremyvat' kostochki* [History of words. Wash the stones]. Available at: <http://wordhist.narod.ru/peremivat.html> [Accessed 07/07/2017]
20. Vorob'ev V.V. (2008) *Lingvokul'turologiya* [Linguistic and cultural studies]. Moscow: PFUR.